

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

2. Эллинизм

О.Ю. Климов

Принятие политических решений эллинистическими царями

Знакомство с институтом царской власти эллинистической эпохи оставляет противоречивое впечатление. Многочисленные факты свидетельствуют о сосредоточении в руках монархов очень широких полномочий: все виды власти (законодательная, высшая исполнительная, судебная, военная, экономическая и финансовая и даже власть в области идеологии и культуры) находились в царских руках. В политическое сознание населения эллинистических государств прочно вошло представление о весьма значительной власти царей. Сама эта власть, право монархов принимать любые решения, касающиеся судеб городов, народов или отдельных людей, в том числе казнить или миловать, не оспаривалось и не подвергалось сомнению ни со стороны придворных или армии, ни со стороны подданных. Разумеется, деспотическая манера управления царей, жестокие расправы над родственниками, приближенными или противниками подвергались осуждению, но делалось это, скорее, по моральным соображениям; само же право царя поступать самовластно не ставилось под сомнение. Более того, в античной политической мысли и в массовом сознании всеобъемлющий характер власти царя получил идеологическое обоснование в виде идеи о том, что он олицетворяет собой закон и был его живым воплощением – «одушевленный закон» (*νόμος ἔμψυχος*) – и потому «все, что ни будет постановлено царем, справедливо» (*Plut., Dem., 24*; также – *App., Sуг., 61*). В глазах подданных царь своей личностью соединял воедино разрозненные части державы¹.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на «Жебелевских чтениях – XIV» (СПбГУ, октябрь 2012), который вызвал активную дискуссию. Выражаю признательность А.Г. Грушевому, Ю.Н. Кузьмину, А.К. Нефёдкину, С.В. Смирнову, М.М. Холоду, А.И. Юрину и другим коллегам за ценные предложения, замечания и вопросы, высказанные в ходе обсуждения доклада.

¹ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 9, 13-18; *Walbank W. Monarchies and monarchic ideas // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 1. P. 80-81, n. 60.*

На этом фоне заслуживают дополнительного внимания многочисленные факты постоянных консультаций эллинистических царей со своими родными, «друзьями» и приближенными по различным вопросам государственной жизни², а также весьма своеобразная – коллективная, дискуссионная – практика принятия важнейших политических решений. В тех случаях, когда современному читателю открывается процедура выработки и принятия эллинистическими царями решений, ясно, что они зачастую предпочитали осуществлять это не единолично, но коллегиально – с помощью родных, «друзей» и приближенных, вступая с ними в дискуссию, допуская возможность относительно свободного обмена мнениями. Подчеркнем, что приближенные царя, его «друзья» и «родственники» не выступали в роли безгласных статистов, но, напротив, нередко вполне откровенно и самостоятельно высказывали свое мнение, предлагали советы и даже выражали критику и упреки в адрес царей.

Источники предлагают множество фактов подобного рода из истории всех эллинистических царств, начиная с эпохи диадохов. Так, перед роковой битвой с кельтами в 279 г. до н.э. «друзья» убеждали Птолемея Керавна подождать подкрепления, но он не послушался их советов, погиб сам и погубил войско, поставив Македонию на грань катастрофы (Diod., XXII, 3, 1). В истории царства Селевкидов, в частности, времени правления Антиоха III, практика совещаний царя с «друзьями» и относительно свободной дискуссии при принятии решений по важнейшим вопросам жизни государства упоминается нередко. Например, в связи с мятежом Молона Антиох III неоднократно созывал совет, на котором предоставил право высказываться разным его членам (Polyb., V, 41, 6-9; 42, 1-5; 49, 1-7). В 219 г. до н.э. на военном совете Антиоха III решающее слово принадлежало врачу Аполлофану, который решительно продвигал свою точку зрения и убедил царя и членов совета идти войной для отвоевания Селевкии (Polyb., V,

² Институту «друзей», «совоспитанников царя», «родственников» и др. категорий придворных, совету «друзей» посвящена обширная литература. Например, *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 41-48; *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010. С. 168-173; *Corradi G.* Studi Ellenistici. Torino, 1929. P. 240-255, 269-290, 318-340; *Mooren L.* The Aulic Titulature of the Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975; *Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // САН. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. Cambridge, 1984. P. 68-71; *Musti D.* Syria and the East // САН. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. Cambridge. 1984. P. 179-180; *Le Bohec S.* Les philoi des rois Antogonides // REG. 1985. T. XCVIII. P. 93-124; *Mooren L.* The Ptolemaic Court System // Chronique d’Egypt. 1985. T.60. No.119/120. P. 214-222; *Hatzopoulos M.* Macedonian Institutions under Kings. Vol. 1. Athens, 1996. P. 328, 330, 334-336; *Savalli-Lestrade I.* Les philoi royaux dans l’Asie hellenistique. Geneva, 1998; *Strootman R.* The Hellenistic Royal Court. Court Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt and the Near East, 336-30 B.C. Diss. Utrecht, 2007. Особенно: P. 119-123, 139-142, 149-160, etc.; *Capdetrey L.* Le pouvoir Seleucide. Territoire, administration, finances d’un royaume hellenistique (312-129 avant J.C.). Rennes, 2007. P. 278-279.

58). Еще раньше – в период доминирования Гермия – этот же Аполлофан сыграл важную роль в организации переворота против влиятельного придворного и убедил царя предпринять необходимые шаги к этому (Polyb., V, 56). Полибий указывает, что вопрос о судьбе захваченного в плен мятежного Ахея при Антиохе III решал совет (Polyb., VI, 23, 2). Во время восточного похода «друзья» не рекомендовали Антиоху III выпускать из рук юного правителя Армосаты Ксеркса, несмотря на то, что это мнение не совпадало с настроением царя: принимая окончательное решение, Антиох III не внял советам «друзей» (Polyb., VIII, 25, 3-4). Перед войной с Римом Антиох III снова неоднократно созывал совет, приглашая на него в числе прочих лиц знаменитого Ганнибала. Известно, что «друзья» царя выступали против предложенного Ганнибалом стратегического плана; царь принял сторону своих советников (Just., XXXI, 4, 9; 5, 1-9; 6, 1-2)³. Тит Ливий, описывая одно из заседаний царского совета, подчеркивал, что участвовавший в обсуждении вопроса о войне с Римом акарнанец Александр, бывший некогда «другом» Филиппа V и переметнувшийся к Антиоху III, весьма настойчиво продвигал мысль о войне с Римом «...словно обсуждался вопрос, где и по какому замыслу вести войну, а не о том, вести ли ее вообще» (Liv., XXXV, 18, 3. Пер. С.А. Иванова)⁴. Позже, после разгрома армии Антиоха III при Магнесии, «друзья», по словам Аппиана, упрекали царя и за ссору с Римом, и за бездарное планирование и ведение военной кампании, и за оставление Херсонеса и Лисимахии, и за последнюю проигранную битву (App., Syr., 37).

Дополняет серию ярких фактов подобного рода известный случай из истории правления Антиоха IV. Когда в 168 г. до н.э. сирийский царь двинулся войной на Египет и дошел со своей армией до Александрии, римское посольство предприняло попытку остановить его: Гай Попилий Ленат жестко и не дипломатично потребовал прекратить наступление. Антиох IV, по словам ряда античных авторов, не пожелал дать ответ сразу, но сделал очень характерное заявление о том, что для принятия решения ему нужно сначала посоветоваться с друзьями. Лишь оскорбительное для царя поведение римского посланника заставило Антиоха IV принять решение сразу (Polyb., XXIX, 27. 1-8; Just., XXXIV, 3; несколько иное изложение ситуации: Diod., XXXI, 2; App., Syr., 66; 12; Plut., Apophthegm. reg. et imp., 86; Valer. Max., VI, 4; о суровом нраве римского политика: Liv., XLV, 10, 8). В 162 г. до н.э. после консультаций с приближенными, коллегиально принял решение бежать из Рима Деметрий, будущий царь Деметрий I Сотер, пребывавший в «Вечном городе» в качестве заложника. Совет бежать дал воспитатель будущего царя Диодор, он же помог в организации побега. Кроме того, по повов-

³ По словам Тита Ливия главную роль в принятии такого решения сыграл этолйский стратег Фоант, совершавший посольства между Антиохом III и Этолйским союзом и не являвшийся приближенным царя (Liv. XXXV, 12, 4-5; 32, 2-11; 42, 4-14; 43, 1-2).

⁴ Другие примеры совещаний с «друзьями»: Diod. XXXIV, 16; I Macch., 6; Jos. Antiq. XII, 3, 4.

ду своих намерений Деметрий советовался с историком Полибием и с одним из своих «друзей» Аполлонием (Polyb., XXXI, 19, 4-9; 20, 3).

В истории царства Птолемеев мы также получим ряд подобных примеров. Птолемей IV Филопатор принимал решение относительно просьбы спартанского царя Клеомена III, находившегося с армией в Египте, с помощью «друзей» (Polyb., V, 35, 6-8, 12). После вторжения Антиоха IV в Египет и возникновения угрозы для страны на царском совещании было решено образовать совет из наиболее опытных людей (Polyb., XXVIII, 19). Также на царском совете в Александрии осуждали придворного Тлеполема. Тот, в свою очередь, в гневе созвал совет и открыто выступил против своих обвинителей (Polyb., XVI, 22, 9). Другого влиятельного придворного Птолемея V Эпифана – этолийца Скопаса – тоже судил совет, в котором выступали придворные (Polyb., XVIII, 54, 1-3). Яркие примеры принятия коллективных решений дают заключительные события истории государства Птолемеев. Вопрос о судьбе Помпея Великого, бежавшего после поражения при Фарсале в 48 г. до н.э. в Египет, обсуждался на царском совете, на котором выступали «заведующий делами» евнух Потин, учитель юного Птолемея хиосец Теодот, египтянин Ахилла (Plut., Pomp., 77).

В практике управления македонских царей Филиппа V и Персея регулярные консультации и совещания с «друзьями» были обычным явлением⁵. В 218 г. до н.э. Филипп V совещался с «друзьями» по поводу войны на море против этолийцев (Polyb., V, 2, 1). Во время похода в Спарту царь снова советовался с «друзьями» относительно дальнейшего плана военных действий (Polyb., V, 22, 8). В 217 г. до н.э. Филипп V собирал «друзей» на совет по поводу прекращения войны с этолийцами (Polyb., V, 102, 2). В 197 г. до н.э., по словам Полибия, в беседе с Т. Квинкцием Фламинином Филипп V высказался примерно в том же духе, что и Антиох IV: он не может сразу принять решение, так как у него нет советников (XVIII, 7, 4). После побоища, учинённого над жителями Маронеи, македонский царь советовался с «друзьями» Анеллой и Филоклом по поводу того, как держать ответ перед Римом (Polyb., XXII, 18, 7). О роли «друзей» царя как советчиков при Филиппе V ярко свидетельствует Полибий, сообщая шутку Тита Фламинина в адрес македонского царя: «Понятно, почему ты одинок теперь: ты погубил ведь всех друзей, которые могли бы преподать тебе прекраснейший совет» (Polyb., XVIII, 7, 5-6. Перев. Ф.Г. Мищенко; также см.: Plut., Arophtegm. Reg. et imp., 76). При Персее столь же значительная роль «друзей» в управлении государством сохранялась. Перед началом Третьей Македонской войны и в начальный ее период Персей многократно проводил совещания с «друзьями», которые нередко решительно высказывали разные мнения о взаимоотношениях с римлянами (Liv., XLII, 50; 51, 1; 57, 1-2; 62, 3, 8). В 171 г. до н.э. после конного сражения против Г. Лициния Красса, на военном совете в Пелле «друзья» убедили Персея отпра-

⁵ О роли царского совета в принятии решений при Антигонидях см.: *Hatzopoulos M. Macedonian Institutions. Vol. 1. P. 337-339, 341 сл.*

вить послов к римскому консулу, чтобы проверить, не желают ли римляне пойти на мирное соглашение (Polyb., XXVII, 8, 1-5; App., Mac., XII; Liv., XLII, 57-62). Переговоры прошли безуспешно – Персей не добился ничего, неудачно вел себя и, как рассказывает об этом Полибий, «...только подвергся укоризнам большинства друзей» за то, что, одержав победу в первом столкновении, предлагает мир, как победительный (XXVII, 8, 14. Перев. Ф.Г. Мищенко). В этой связи не случайно после разгрома при Пидне Персей искал повод, чтобы свалить вину за поражение на кого-либо из приближенных (Plut., Aemil. Paul., 23). Такой стиль его поведения возможен лишь в одном случае – если он принимал решение коллегиально, а не единолично. По прибытии после битвы царя в Пеллу казначеи Эвкт и Эвлей стали высказывать ему укоры и сожаления и давать запоздалые советы, за что тут же поплатились жизнями (Ibid.). В данной ситуации вызывает удивление не столько факт решительной и жестокой расправы царя над приближенными, сколько уверенность последних в том, что они вправе укорять царя и советовать ему, даже в столь неподходящей для этого ситуации.

В истории царства Атталидов показательный пример дает одна из группы надписей из Пессинунта в Галатии, датированных 164-156 гг. до н.э., в которых идет речь относительно взаимоотношений с галатами (RC., 55-61)⁶. Тексты представляют собой переписку Эвмена II и его брата царя Аттала II с жрецом храма Кибелы в Пессинунте Аттисом. Последнее в серии документов письмо Аттала II Аттису содержит информацию о ходе обсуждения проблемы отношений с галатами в царском совете. Документ демонстрирует свободный характер дискуссии на совете «друзей» и приближенных царя (RC., 61. Стк.6-13). Одному из придворных, высказавшему суждение, не совпадающее с мнением царя и всех членов совета, удалось зародить сомнения, а через некоторое время вообще переломить общее настроение и добиться принятия решения, прямо противоположного первоначальному.

В связи со всеми перечисленными фактами важно обратить внимание на суждение хорошо информированного и знавшего политическую «кухню» историка Полибия. Он писал о значении «друзей» и спутников царя, что они или губят его власть или упрочивают ее (Polyb., VI, 4, 6). Разумеется, это верно лишь при одном решающем условии: «друзья» дают советы, которым следуют цари, и активно влияют на принятие решений и на политическое поведение царя.

Разумеется, необходимо сделать очень важную оговорку: не стоит абсолютизировать практику дискуссий и диалога при принятии царями ответственных решений, равно как и идеализировать придворные отношения эллинистиче-

⁶ О датировке документов см. *Mileta Chr. Überlegungen zur Datierung der Inschriften des Inschriftendossiers I.Pessinous 1-7 // Studia Hellenistica et Historiographica. Festschrift für Andreas Mehl. Morlenbach, 2010. S. 107-119*. Кр. Милета предлагает датировать первое из писем концом III в. до н.э. – после 207 г. до н.э., т.е. временем, предшествовавшим доставке священного камня Кибелы в Рим (S. 116-119).

ской эпохи: при дворах царили интриги, лесть, борьба придворных клик, измена, кровавые расправы над соперниками, стремление любой ценой выслужиться перед царем и иные неизбежные для подобной политической системы отрицательные черты. В этой связи стоит вспомнить о том, что на пирах Деметрия Полиоркета звучали здравицы в честь царя Деметрия, начальника флота Птолемея, начальника слонов Селевка, хранителя казны Лисимаха, правителя Сицилии Агафокла. Этим речам сам Деметрий внимал с благосклонностью: льстивые слова о его царском достоинстве сочетались с оскорблением других диадохов, также объявивших себя царями (Plut., Dem., 25). Тит Ливий тоже обращает внимание на то, что при обсуждении вопроса о войне с Римом приближенные Антиоха III всячески демонстрировали воинственный пыл, надеясь тем самым снискать благоволение царя (Liv., XXXV, 17, 3-4). Вместе с тем, данные примеры лести и низкопоклонства «друзей» и приближенных перед царями не меняют в принципе общего впечатления, выраженного выше, ибо многочисленные примеры откровенной дискуссии и диалога по политическим вопросам в царском совете позволяют полагать, что это было именно правилом.

Предложенная неполная подборка фактов, касающихся дискуссии и диалога при принятии царями управленческих решений, весьма показательна. Со своими приближенными цари обсуждали самые разные темы – военную стратегию и тактику, дипломатические акции, внутреннюю политику, наконец, судили отдельных лиц. Рассмотренные факты относятся к разным периодам эллинистической истории – от эпохи диадохов до римского завоевания, а также представляют историю всех эллинистических государств. Таким образом, мы имеем основания полагать, что речь идет о всеобщем явлении, типичном, свойственном самой природе эллинистического государства. Описанный выше феномен власти отмечали ученые, писавшие о царском дворе и характеризовавшие высший уровень управления в эллинистических государствах⁷. Прежде всего, сам факт постоянных консультаций царей с друзьями и другими представителями ближнего круга власти и принятия решений с их активным участием, показывает, что царская власть не носила совершенно неограниченного характера, ее сдерживало, в частности, влияние придворных, высшей административной и военной знати, с которыми цари должны были не просто считаться, но в известной степени им руководствоваться.

Одновременно возникает и вопрос о том, почему сложилась именно такая практика принятия важнейших решений, как она возникла? Наиболее естественное объяснение состоит в том, что коллегиальный характер обсуждения сложных вопросов и принятия решений позволял находить оптимальный выход из непростых ситуаций и избегать волонтаризма, распоряжений слу-

⁷ Бикерман Э. Государство Селевкидов. С. 47-48. Прим. 175, 176; Corradi G. Studi Ellenistici. P. 331-342; Hammond N.G.L. The Macedonian State. Origins, Institutions and History. Oxford, 1992. P. 391-392.

чайных, непродуманных, импульсивных и, следовательно, вредных и опасных для государства и правящего класса. Т.о. сама культура и практика государственного управления диктовали описанный порядок принятия решений.

Вместе с тем, в дополнение к сказанному можно полагать, что коллективный порядок принятия решений на основе дискуссии кроется также в некоторых особенностях греческой культуры, в греческом «культурном коде», который цари усваивали в процессе обучения и воспитания и который неизбежно воспроизводили в своей государственной деятельности. На римском материале об этом явлении писал Г.С. Кнабе. Отметив большую роль коллективных форм обсуждения и принятия решений римскими императорами эпохи принципата, Г.С.Кнабе связал его с диалоговой формой общения, получившей особенно значительное развитие в античной культуре, а также с представлением о том, что носителем истинной мудрости и опыта является коллектив; поэтому в представлении античного человека принятие единоличных решений выглядело недопустимым⁸.

Идея, предложенная Г.С. Кнабе, весьма продуктивна и в определенной степени объясняет те многочисленные факты, которые были приведены в первой части статьи. Античную цивилизацию характеризуют как цивилизацию оро-акустического типа, в которой устное слово играло весьма значительную роль. Для нее характерно то, что очень важное место занимала именно устная, диалоговая, дискуссионная форма общения, а также соответствующая форма усвоения знаний и принятия решений⁹. При этом важно подчеркнуть, что значительную роль играла не только монологическая речь, но именно диалог и дискуссия, в том числе на политические темы.

В античной практике преподавания наиболее совершенные методики обучения – диалоговые, которые предполагали постановку и осознание проблемы, коллективное – учителем и учениками – выдвижение аргументов, их проверку и принятие окончательного решения. Этот метод, названный сократовским, применялся также философами и преподавателями других философских школ (Diog. Laert., II, 22, 29). Дискуссия с воображаемым оппонентом составляла существенную часть обучения в риторических школах. В этой связи также следует обратить внимание на широкое распространение такого своеобразного жанра прозы, как философский и публицистический диалог. Его использовали Платон, Ксенофонт, философы школы Аристотеля¹⁰.

⁸ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981. С. 49-50.

⁹ Не случайно К. Куле, отмечая исключительно большую роль устной и письменной коммуникации в жизни Греции, ставит вопрос «греческий полис – цивилизация болтовни?» – Куле К. СМИ в древней Греции. М., 2004. С.78, 113- 125, 209.

¹⁰ О развитии метода диалога и дискуссии в образовании и философии древней Греции см.: Журавковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1940. С. 135, 149 сл.; Ахманов А.С. Философия от ее зарождения до Платона // История греческой литературы. Под ред. С. И . Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А . Пе-

В эпоху эллинизма философский диалог культивировался весьма продуктивно в школе Аристотеля и у киников. Киники, обращаясь со своей проповедью к разным слоям общества, искали понятные простым людям формы изложения. Они широко использовали форму диатрибы, представлявшей собой выступление в живой, образной манере на философские, главным образом житейские и моральные темы. Выступления философов дополнялись цитатами из сочинений популярных поэтов, поговорками, анекдотами; монологическая речь переходила в диалог с воображаемым соперником. Мастером этого жанра считался Бион из Борисфена, который не только вел устные беседы, но и издавал свои произведения (Diog. Laert., II, 77; IV, 52.). Из киников эпохи эллинизма прославился диатрибами также Телет из Мегар¹¹. Таким образом, диалоговая, дискуссионная форма общения, обучения, изложения знаний и поиска истины стала одной из весьма характерных черт древнегреческой культуры на протяжении всей ее истории, являясь своего рода культурной константой, оказавшей влияние на иные сферы бытия, в том числе – неизбежно – и на политику. Эллинистические цари получали греческое образование, – тому немало свидетельств¹², – обучались и воспитывались в рамках этой диалоговой культуры, формировавшей стереотипы их поведения, и неизбежно переносили ее в практику управления, в том числе в практику обсуждения и принятия ответственных государственных решений.

В связи с традицией выработки решения на основе его обсуждения становится понятнее возникновение неофициального, но широко распространенного и важного института царских советников и консультантов из числа ученых, философов, врачей или учителей¹³. Они так же, как и «друзья», участвовали в обсуждении сложных вопросов государственной политики и помогали в принятии решений. Убедительным примером подобного рода является ситуация с царевичем Агталом, отправившимся с посольством в Рим, которого римские

тровского. Т.2. , М., 1955. С. 174, 177; *Нерсеянец В.С.* Сократ. М., 1977. С. 58-65, 76-77; *Кессиди Ф.Х.* Сократ. Ростов-на-Дону, 1999. С. 104-106, 139-152, др.; *Марту А.-И.* История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 95-96, 282-285; *Morrison D.* Socrates // A Companion to Ancient Philosophy. Ed. M. Gill, P. Pellegrin. Malden; Oxford, 2006. P. 108-110, 114-116; *Gill Chr.* The Platonic Dialog // A Companion to Ancient Philosophy. Ed. M. Gill, P. Pellegrin. Malden; Oxford, 2006. P. 140-147.

¹¹ *Радциг С.И.* История древнегреческой литературы. М., 1969. С. 414; Нахов И.М. Киническая литература. М., 1981. С. 46-52, 129-130, др.; *Нахов И.М.* Философия киников. М., 1982. С. 195, 196.

¹² Об эллинской образованности царей см.: *Климов О.Ю.* Жизнь царского двора в эллинистических монархиях // Феномен досуга в античном мире. Под ред. профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 239-242.

¹³ *Климов О.Ю.* Интеллектуальная элита – советники и консультанты эллинистических царей // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 10. СПб., 2011. С.141-160.

политики убеждали просить о разделе царства между ним и его братом царем Эвменом II. Посланный с посольством врач Стратий посредством бесед сумел отговорить царевича от этого опрометчивого шага (Polyb., XXX, 2; Liv., XLV, 19; 20, 1-3). Заметим, что в отличие от членов совета «друзей» данная категория придворных – неофициальные советники и консультанты из числа проживавших при дворе интеллектуалов – помогала вырабатывать решения кулуарно, в процессе неофициального и неформального общения с царями, что в принципе несколько не меняет самой сути явления. Ясно, что наличие данной категории лиц при дворе также подтверждает потребность царей в диалоговой, коллективной форме решения проблем государственной жизни.

Подводя итог, отметим, что институт «друзей» царя и совет «друзей» являлись не декоративными органами или собранием царских приятелей и соотрапезников, но реальным политическим институтом, влиявшим на принятие ответственных государственных решений, без участия которого не осуществлялись важные мероприятия в области внутренней и внешней политики. В некоторой степени «друзья» царей и совет «друзей» определяли царскую политику и ограничивали самовластье эллинистических монархов¹⁴. Т.о. одной из своеобразных черт практики управления в эллинистическом мире является противоречивое соединение единоличных, абсолютистских начал царской власти с коллективными формами принятия решений, предполагавшими относительно свободное выражение мнения и ведение дискуссии. В основе такой практики принятия решений легли не только управленческий прагматизм, требовавший именно коллективного разума для поиска оптимального решения проблем, но также и длительная греческая культурная и образовательная традиция – традиция диалога, дискуссии, в рамках которой эллинистические цари формировались как личности и которую они воплощали в своей государственной деятельности.

Список использованной литературы

Ахманов А.С. Философия от ее зарождения до Платона // История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т.2. М., 1955. С. 147-179.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. 1983.

Жураковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1940.

Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов-на-Дону, 1999.

Климов О.Ю. Интеллектуальная элита – советники и консультанты эллинистических царей // Мнемон. Вып. 10. СПб., 2011. С.141-160.

¹⁴ Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 46-48; Климов О.Ю. Пергамское царство. С. 172-173; Corradi G. Studi Ellenistici. P. 240-255, 269-290, 318-340; Walbank F.W. Monarchies and Monarchic Ideas // CAH. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. P. 68-71; Musti D. Syria and the East // CAH. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. P. 179-180; Hatzopoulos M. Macedonian Institutions. Vol. 1. P. 328, 330, 334-336, 338-343; Strootman R. The Hellenistic Royal Court. P. 119-123, 155-158; Capdetrey L. Le pouvoir Seleucide. P. 278-279.

Климов О.Ю. Жизнь царского двора в эллинистических монархиях // Феномен до-суга в античном мире. Под ред. профессора Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 239-242.

Климов О.Ю. Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб., 2010.

Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981.

Куле К. СМИ в древней Греции. М., 2004.

Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998.

Нахов И.М. Киническая литература. М., 1981.

Нахов И.М. Философия киников. М., 1982.

Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1977.

Радицг С.И. История древнегреческой литературы. М., 1969 .

Allen R.E. The Kingdom of Attalids: A Constitutional History. Oxford, 1983.

Capdetrey L. Le pouvoir Seleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellenistique (312-129 avant J.C.). Rennes, 2007.

Corradi G. Studi Ellenistici. Torino, 1929.

Gill Chr. The Platonic Dialog // A Companion to Ancient Philosophy. Ed. M. Gill, P. Pellegrin. Malden; Oxford, 2006. P. 136-150.

Hammond N.G.L. The Macedonian State. Origins, Institutions and History. Oxford, 1992.

Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, New York, 1971.

Hatzopoulos M. Macedonian Institutions under Kings. Vol. 1. Athens, 1996.

Herman G. The Court Society of the Hellenistic Age // Hellenistic Constructs: Essays in Culture, History, and Historiography Ed. P. Cartledge, P. Garnsey, E.Gruen. Berkeley, Los Angeles, London, 1997. P. 199-224.

Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977.

Le Bohec S. Les philoi des rois Antogonides // REG. 1985. T. XCVIII. P. 93-124.

McShane R. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964.

Mileta Chr. Uberlegungen zur Datierung der Inschriften des Inschriftendossiers I.Pessinous 1-7 // Studia Hellenistica et Historiographica. Festschrift fur Andreas Mehl. Morlenbach, 2010. S. 107-119.

Mooren L. The Aulic Titulature of the Ptolemaic Egypt. Brussel, 1975.

Mooren L. The Ptolemaic Court System // Chronique d'Egypt. 1985. T.60. No.119/120. P. 214-222

Morrison D. Socrates // A Companion to Ancient Philosophy. Ed. M. Gill, P. Pellegrin. Malden; Oxford, 2006. P. 101-118.

Musti D. Syria and the East // CAH. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. Cambridge. 1984. P. 175-220.

Savalli-Lestrade I. Les philoi royaux dans l'Asie hellenistique. Geneva, 1998.

Strootman R. The Hellenistic Royal Court. Court Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt and the Near East, 336-30 B.C. Diss. Utrecht, 2007.

Walbank F.W. Monarchies and Monarchic Ideas // CAH. 2nd ed. Vol. 7. Part 1. Cambridge, 1984. P. 62-100.

Welles Ch. The Royal Correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

